

У воды

Прудочек этот старый, старый. Некоторые говорят: возник он после того, как молния поразила тут двух любовников: женщину, красавицу, и мужчину, красавца. Она была законной супругой ветхого помещика, и бегала от него к молодому соседнему барину. А другие утверждают: холостыми еще встречались, из богатых домов, а в грозу молния грянула и убила обоих. Слишком жадно счастье ловили.

Бог ли во искупление вины природы, природа ли сама решила отомстить у людей прощения? Давней, давней весной образовалась воронка, потом - яма, потом - в широкое и длинное углубление с гор вода, ревя и пенясь, набежала. Так и осталась - чистая, кристальноветская, свежая. Деревня, за прудом, разрушилась и растворилась в бедных привычных просторах, а где она стояла - пять кособоких лачуг теплится. И моя - с ними.

У прудика я останавливаюсь очень редко. На подходе к нему - тонкие и музыкальные камыши пошумливают, заросли чащобные, а прудик - канава, узкий, теперь, и короткий, но водичка - прежняя. Как ей сохраниться удастся? А нынешним летом жара нас караулит сутками, неделями и месяцами. Устали мы от кочующей по небу пыли, от нефтяной ржавы, наплывающей с торфяных шахт. Засуха. Даже кукушки прекратили свои пророчества, горло, видно, болит на зное, а соловьи вообще не распелись и в унынии потонули.

В стране безобразия творятся. В деревне - голо. Калеки да изношенные пятилетками пенсионерки у калитки и у колодца. Район объят паникой и слухами: будто неурожай заглоти русских, а нерусское правительство впусти на великую русскую равнину темпераментных китайцев. Разгоряченные и бойкие, они, дескать, размножатся и восстановят погубленные русские деревни.

Душа стонет при подобном положении дел и подобном результате. Куда ей умыкнуться

от раздумий и бессонницы? Час лежишь, три часа лежишь, а мысли тяжелее и тяжелее, а глаза остекленели - не сомкнуть.

Луна за окошком, печальная и серьезная, покачивается. Звезды сторожко около нее движутся. А где-то, в бездне чертовой, космонавты едят кремлевские бутерброды, подремывая в центрифужных креслах, и французским коньяком запивают. Им героично, а нам погибельно.

Сидел я в ласковом прозрачном тумане, променяв дурацкую постель на позднюю свободу. Сандалии снял. И так ласково песок увлажнял мои ступни. Так терпко обдавали меня травы настоем летней томительной скуки и накипевшего на дорогах бетонного дерзновения. А небо, прозрачное, снижалось и поднималось, в зависимости от взбаламученного ветра, колеблющего деревья и кусты. На небе - луна и звезды.

Вот луну заволкло прозрачной пеленою и она превратилась в звезду среди звезд. Большая звезда. Горит в небе. А вокруг большой - малые горят. Острее приглядишься: разные - по величине. Нет одинаковых, равных, нет. Но как горят они? Любая - равная. Любая - одинаковая. Но - для тебя, умный житель земли!.. Балабол - не поймет.

И движение звезд - направленное. То - рядом идут, то, двигаясь, чуть скосят от назначенной линии и снова обретут направленность, но иную, необходимую кому-то. Звезды движутся обдуманно, слаженно и вечно. А ты? Кто мудро за тобою наблюдает? И где твоя большая звезда, возле коей и ты - звезда необыкновенная? Звезды горят и сияют, мерцают и светят. Звезды - в небе.

А в земле тоже звезды - алмазы. О, если бы смог человек заглянуть в ночь земную, в глубину ее, алмазные звезды полыхнули бы из разных пород на материках, на разных меридианах загорелись бы и засияли, замерцали бы и засветились. Человек выковыривает алмазные звезды, уничтожает ручьи и озера, реки и моря. Воду, как людскую кровь, разбазаривает в бойнях и торжищах, собственную грязь чистит ею...

А ведь и наш деревенский прудик - звезда. Вот удели внимание космонавт с праздных высот на него - звезда. Пусть его ковшами скребли, траками резали, хламом засоряли, мазутом пачкали - звезда. И поит кого? Цветы и травы, бабочку и кукушку, соловья и

буренку, всех поит, кто тебя, человек, на земле держит! Не так ли?

В небе гаснет звезда - черная дыра образуется. А на земле вода погаснет - чем ее заменить? До смешного люди наивны: золото водою добывают, титан водою добывают, а не хотят знать: колос на воде вызревает и красота без воды не родится.

Некуда нам, русским, деньги девать? Выстреливаем их спутниками, кораблями и лабораториями, а капустный вилок дороже ста рублей. Банальный базар. Бардак неестественный: есть нечего, пашни отравлены, а в чертовой бездне - бутерброды с коньяком? Пошляки. Талантливые целинники, обуянные нетерпением...

Не спалось. Лежать надоело. Уже утреть начало. И удрал я из-под крыши. И направился я к пруду. Один. Хорошо. Тихо. Угодил на тропку. Тропка, росно петляя, балуясь, привела меня к песчаному холмику, а на холмике обрубков ели. Пенек не пенек, а сидеть приятно, как в центрифужном кресле космонавту. Я и сижу. А водица в прудике - до дна сквозистая и знакомая. И веет от нее уютом, покоем и вечной надеждою. Вроде и засухи в мире нет.

Сижу, дурак седой, и о Родине размышляю. Кто сейчас о Родине думает? Приватизация и рынок, а я о Родине? Идиот. Сижу. Глядь, а на противоположном берегу - парень и девушка. Он в белой рубашке и серых брюках, а она в белой кофточке и в серой юбке. И целуются, целуются, целуются, неужели от семей торопятся и спешат: как бы их не застучали? Юные. Вряд ли успели родители им свадьбу сыграть. Стыдно мне, почувствовал я, и неслышно перебрался от них в сторонку. А в сторонке - опять удобный пенек.

И вновь я размечтался: а не тени ли ко мне прилетали возникать тех, молнией пораженных? Время смутное - могли и прилететь. Глядь, а к водичке, прямо возле моих ног, уж, с золотой короной на голове, пополз. Заполз, завинтился - спиралью, спиралью к лилиям, а лилии, как снежные вздохи, на сонной глади едва, едва колеблются. Прекрасные существа.

Встреть я ужа в траве, в пыли - неприятно. А на воде, да еще возле снежнопенных цветов - невероятная картина! Поворачиваюсь на пенке, добром и удобном, а белый

гусак, белый, как из белого мрамора выточенный, стадо купает. Мгла не распалась. Рано. А гусыня, белая, белая, тоже, как из белого мрамора выточенная, двенадцать штук белых мраморных ребятишек по спящим волнам за собою уманивает. Гогочут, калякают, перекликаются, белые, белые, мимо белых трепещущих лилий. Господи!..

Деревня моя не стряхнула ночной одури и угольного запаха полей. Пожаром несет от скошенных лужаек. Деревня опупела, до обеда нежится. А на прудике, за ивою, кудрявой, кудрявой, соловей щелкнул, чмокнул, потянул, скрипнул клювом и зазвенел, зазвенел, а ему ответили несколько, да сразу, да громко, и по воде, по воде потекли звоны, а за ними, с березы, стремящейся в прудок у моста, кукушка завеселилась. Наверное - внезапно очнулась и давай развлекаться.

Побежал ветерок. Спустился он откуда-то, не с горизонта ли? Пошевелил ветки у ивы, поерошил кусты у прудочка, свеял горсточку легких песчинок и заплескался, зарябил, забаламутил, неумный. Камыши зашептались и коснулись друг друга початками, а кудрявая ива в сторону березы клонилась, клонилась и листьями о чем-то зашелестела. Уж мелькнул золотой короной. Белые лилии меж белым стадом гусей засверкали. Бобер на коряге усы лапой потрогал. Рыба плеснулась.

Но интересное - впереди. Дрозды, серо-зеленые изверги, сверху, ну из мешка их сыпанули, без крика и - к воде, к воде. Хватают, хватают и клювики торчком, торчком. Ворье, известно. Наблюдали на огороде, слопали, поди, землянику и смородину, попить потянуло. Попили - и мигом на очередной чужой огород. А хозяин, похмельный индюк, ничего не гадает, не ждет...

Синева над прудочком заметалась. День пробудился и власть кажет. День искал, искал солнышко, а оно из прудочка, из чистой водицы поднимается. Лучи вскинуло, лоб золотой вытолкнуло и, тугое, золотым телом поднимается. Соловьи звенят, кукушки ликуют, гуси перекликаются, прудочек то поглубеет и округлится, то багряным пламенем вспыхнет, то бездонной мелодией разольется. Не канава, не болото, не озеро, а море, растревоженное могучим ветром.

И где целовались, целовались, целовались парень и девушка, осталась только девушка. Волосы ее, золотистее лилий, ковыля шелковистее, через плечо текут, вьются, и обратно к груди приникают. То ли парень их наласкал-нагладил, то ли мать родила ее сестренкой русалки? Русалка дремлет в пруду, а девушку парень на зеленую мураву на

руках вынес. Исчез, а она тоскует, мило повторяя куплет:

Подожди, не улетай, подожди,

Разве счастье лишнее на планете?

Скоро в белых лилиях заискрятся дожди

И со смехом к радуге помчатся дети!

И на миг прудочек замкнулся, засопел, сердитый, и, как обиженный ежик, включил на спине каждую иголку, заставил топорщиться: дабы нечаянно не прервал кто глупостью, не помешал кто редкой минуте - воображению невесты...

Кукушки ликут. Волосы невесты ликут. У кромки воды - ликут бабочки. Розовыми, синими, желтыми, оранжевыми, красными лепестками ерошатся они на ветру и взмахивают рябыми крылышками над прудиком. Искрятся, вспыхивают, как вода, вертикально дрожат и переплетаются в согреваемом воздухе. Это - живые цветы лета, в мир брошенные сиять, удивлять и не увядать в памяти человека.

Взовьются бабочки завтра - прощайте, ветер и солнышко! Прощай, счастливая невеста, русская девушка, забывшая красоту свою...

У кромки воды, под бережком, темным и жидким, лучик солнышка заблудился, запутался и не выкарабкался из лужи. Отеплил ее, позолотил и прохладой гордиться ей посоветовал. Хряк, ушастый и толстый, прикопытил из хлева. В лужу забрел - развалился. Хрюкнул - ополоснулся, с боку на бок перевернулся и, вымытый, как большой побритый начальник в бане, гулять отправился. Интеллигентный и довольный, колун.

Зной повис надо мною. Песок под ногами моими накаляется и врачевально припекает ступни. Прудик, болотце, прильнувшее к нам, разоренным русским людям, море - характером, целебностью, ужатое цементом и железом, исковерканное тракторами и кранами, море!.. И русская душа - подобна морю. Затапывали, давили, утюжили, кровавили, а все - мечтает и красотою воскрешается, неодолимая:

Нас ордынцы ископытили

И свои тевтоны выбили,

Мы, жемчужные, не вытекли

В дыры черные погибели.

А черные дыры лишь космонавты умеют различать в бездне чертовой: черная дыра - умершая звезда. И то расстояние, тот объем, который звезда занимала - черная пустота. А в пустоту - ядерная отравка стремится из чертовой бездны. Ничего в галактике не пустует. И пустые черные дыры - не пустые, а смертельные трассы, проложенные кем-то к нам...

Уж золотокоронный прополз к водице. Стая гусей, дроздов, бабочек, лилий освежились водою. Ива, береза, бобер, у пруда судьбу коротают. Двое влюбленных заменили двоих погибших. А одна девушка-невеста песню верности и материнства исполнила, благодарение земле произнесла.

Окаймление прудика - лужи, лужицы, зеркала, зеркальца водяные, выжитые толщею глубины сквозь глину и песок, траву и суморочь. Синица черногрудая привела к зеркальцу трех птенцов черногрудых. Глянула и они за ней глянули в зеркальце. Глянули и пить, пить, на цыпочки приподнимаясь, принялись, жаждою истомленные.

Курочка-ряба приблизилась к зеркалу, квохнула, кудахнула, повертела пестрою шеей и золотое яичко снести под навес заторопилась. Яичко золотое, а в яичке золотой ключик. Повернешь ключиком над прудом - пруд озером сделается. Еще раз повернешь - озеро морем разольется. Колдовство обворожительное.

Хряк уставился в лужу, помотал ушастой башкою и давай в луже полоскаться, переворачиваться и кряхтеть. Свежее белого лебедя очутился. Щетиною пошевелил, пошевелил и потянулся, довольный и удачливый. Где еще найдешь терпеливее лужу? Только у прудика нашего, неказистого и уютного.

Пьяница, не шевеля щетиною, наклонился над зеркальцем - боднулся. Наклонился над зеркалом - мыкнул. А наклонился над лужею - фыркнул и по-бычьему заревел. Вспомнил о бритве и мыльном помазке, а щетина на его мягких и дряблых скулах растет вторую неделю нетронутою, переплелась корневищами и вершинами перепуталась.

Невеста, красавица, женщина, царица, ну кто стоит на берегу пруда одиноко? Скучно ли им? Отраднo ли у них на душе от тишины и вечности окрестной? А где жених? Парень, мужчина где? Но ласково и голубино журчит водица, баюкая белые лилии. Они распахнулись, вытянулись к солнцу и доверчивыми призывными губами прикосновения ожидают.

Подсолнух не подсолнух, солнышко не солнышко, а золотая шевелюра лохматится на

синей поверхности и белая, белая ладонь, как белое, белое послушное лебяжье крыло, к лилиям тянется. Вот хрустнула вкусно лилия тайным стеблем, ойкнула на берегу девушка и парень поплыл, поплыл к ее ногам, объятый искристою сказкой рассвета. О, не девушка, не женщина, то свеча золотая вспыхнула на берегу прудика, а нездешний свет ее унесся к звездам. Там и нам с вами место.

Много пчел, шмелей, много стеблей и корней напоил прудок, живая вода окропила. Нас миллионы, а вода - единственная звезда среди звезд...

Пора мне проясниться от впечатлений, уйти пора в тень и в прохладу избы деревенской. Но пьяница, заросший чугушной щетиной, грязный и злой, шатается, накреняется и никак не угодит на тропку: к воде пропойцу потребовала совесть, измученная несуразным хмелем и жестоким безумием. - Эй!- одернул я алкоголика. Забулдыга запнулся, мотнулся, затылком, униженным соломой и репьями, и промычал: - Ко-ро-ова у вады-ы молочко собирает! - И на меня осерчал: - Чиво тебе надо, сидишь на пне, а я в говне, нырну и тебя пырну!

- Врешь, не пырнешь, смотри, вода золотая, а бобер усы теребит?..

- А хошь?.. - хулиган подскочил ко мне, сжимая нож в правой пятерне, а левой норовя схватить меня за горло... Но сильно уколотившись о мое спокойствие, выругался и - назад: к воде, как зверь раненый...

А ветерок набегал, набегал, вода рябилась, дробилась и серебрилась. И от мутного горизонта отделялось белое облако и, как стая белых гусей, росло и приближалось медленно, медленно. Или это - белые лилии вспорхнули к горизонту? А, может, пока я сидел и раздумывал, девушка, русская невеста, очутилась там, впереди моря, впереди нас, вскинула белопенные волосы и запела?

И сколько же золота стоит вода? Ведь и солнышко над ней - золотое, и ветер - золотой, бежит:

Нас мать родила, а вода

Умыла, вскормила, взрастила,

И молнией смерть возвестила,

И путь осветила туда.

Вот - молитва, дарованная Богом. Ну кто же ею торгует? Раньше к воде, крестьясь, наклонялись, а теперь - нож доставая? Надоедим воде, бросит нас она, бросит, а золото нам оставит...

1992